

МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВОГО. (LE MORT SAISIT LE VIF.)

Социаль-революционеры, стараясь убить нас в спешности политический убийств для предотвращения демонстраций от розгов и нагнет, ссылались на времена "Народной Воли". В те времена, говорили, например, программой статьи № 7 "Рев. Рос.", правительство не оспаривало на такую наглость, как порою десятилетия сводит политический противников. Оно ставит боллее уважало их. Ничего убедительного, положим, в этой исторической ссылке не было. Вдвоем времена "Народной Воли" не было и тени каких-нибудь открытых проявлений народного недовольства, связанных с политикой. Даже начинавший ходить в обмач демонстрации на похороны совершенно прекратились во времена террора. При народниках же "беспорядках" в городах и на деревнях, при всяких проявлениях недовольства со стороны толпы, не принадлежали к "несколько" (как называл Герцен наше привилегированное сословие) национальная розга гудела на просторы во времена "Народной Воли", как и во все другие.

Теперь политика пролинкает даже в деревню, а в города некая предстает себя "беспорядков", освещая ссылающихся с политикой. Зато народное недовольство слилось, срослось с политикой, и в этом именно заключается величайшее приобретение современного движения и залог несомненной победы. Положение не то, что иное, а прямо противоположное тому, что было во времена "Нар. Воли". Но если ссылка на эти времена по поводу демонстраций и не была убедительной, она, по крайней мере, не находилась в прямой противоречии с истиной. Во времена "Нар. Воли" политический заключенных были кулаками, толкали в тюрьмы, издевались колотили прикладами, но не розгами, ни нагайками действительно не были. Теперь при пропаганде террора место демонстраций заняли у соц.-рев. столкновения в тюрьмах, и особенно же самое крупное из них, одесское. Подробности этого жестокого дла известны нашим читателям.

Уже в № 11 "Рев. Рос.", по его поводу, говорили о необходимости "карающей руки". Теперь перед нами приуроченное к этой же истории воззвание "Партии соц.-рев.", озаглавленное: "Что делать?" и отвечающее, разумеется, на этот вопрос призывом к террору. В этом воззвании опять имеется ссылка на времена "Н. Воли", на этот раз находилась в диаметральной противоположности с истиной.

В те времена, говорят прокламация, правительство, ни когда, в минуты самых яростных разгоров и ужасной реакции, не рвалось оскорблять достоинство своих противников. Отправляя в ссылку, на каторгу и в тюрьмы, оно все же вынуждено было держать себя так, как держать с противником, которого хотело уничтожить, но которого боялся. Правительство знало, что за малейшее оскорбление чести революционеров оно отбьет жестоко перед их товарищами. И это сознание перед действующей партией держало в равновесии власти. Теперь этой равновесии дана широкая простор. И если мы хотим охранить наших товарищей от напад и оскорблений и поддержать честь и достоинство революционной партии, мы должны... заниматься террором. Пусть эти палачи, издающие приказы, не забывают, выполнять приказы верховной власти. Но пусть они знают, что за каждое выдвигание над революционерами, или ждуть смерти. И пусть они тогда выбирают.

Итак, во времена "Нар. Воли" правительство не рвалось на насилие над заключенными. Оно не позволяло себе оскорблений по их адресу, и из этого следовало, что оскорбление политический убийств можно считать напад на наших товарищей от понорения насильств того рода, какия произошли из Одессы. Что это? Умышленное ли поношение во славу террора ужасного мариатора заключенных революционеров во времена "Н. В.", или незнание "дисциплины" той самой религии, которая так усердно проповедывается?

В этом "дисциплина" заимствована, что с того момента, как террор начинает систематизироваться, оно вынуждено со стороны правительства все новые и новые жестокости в тюрьмах, сопровождаемая систематическим претравиванием, умышленными оскорблениями заключенных. Это же мы говорим, об этом вопиет вся народолюбивая литература того времени. В "Вести Нар. Воли", впр., в статье "Надгробное слово Александру П.", подробно рассказано, как за каждое, буквально за каждое политическое убийство или покушение накладывались все новые, все новые наказания на заключенных в НовоБогородской центральной тюрьмы. По этим жестокостям они узнавали, что на воле что-то сделано. Выбег с тьмы и обращение с заключенными становилось все более наглым и оскорбительным, а малейший протест вызывал дикия насилие.

Кстати, в том же воззвании говорится, что "Искра" революционеры, сотрудничая с нами, ссылались на все сословия, начиная с насильниками, что это сопротивление является в особю дикия насилие, приводя к самобитиям, — доказательство чему служат ужасы, разразившиеся в одесской тюрьме, и, поэтому, партия не может, не клеймить попытку власти самобитию в систему."

Обо не более, как попытка возвести на "Искру" ложное обвинение. Она сотрудничала оказывая сопротивление наказанию революционеров, которых в России связывали специфический уголовный смысл. Сотрудничество может, несомненно, отнять у него этот смысл, превращая "наказание" в простое явление, которое является боллее жалостливостью, все же не лишая уважительного для потерпевшего в себе не заключать. Но "Искра" никогда не соотвела оказывая сопротивление во всех случаях тюремной жизни, хотя бы при перевод в другую тюрьму или даже при перемены в карьеры. Если в таких случаях сопротивление и может иногда быть уместно, то возмездие его в правдо было бы безумием.

Заключенные в центральные не были террористами, но и не сомнительно народолюбивые, а Алексеев, развел свой страх и уважение" правительство вырвало еще энергичнее. Так систематическая грубость и пытки по отношению к заключенным превосходили все пределы, а сдерживали их так, что из 14, привезенных туда по процессу А. Михайлова, в первый же год умерло шестю, а все остальные были в пытки, истощены, соевыбодены, и негальство упорно не амбачало, а доктор, тыча в них распухшие ноги, говорил: "это еще пустяки". В Шансесбург их привели потом, по выражению Волкенштейна, "полусгнившими".

В наиболее дикий и зверский форме разразилось правительство бешенство в 1882 г. на Карь, при чем и тут также главное заключалось в "канальском третировании" заключенных, в "преднамеренных оскорблениях, в зверском и безжалостном обращении с болными". Во время этой оргии, — всюду, кроет Карь, где не было одиночек, — заключенные болели и умирали без всякого ухода, в полном одиночестве, залетая на замок в тьме же намеревались, в которых жили. Такого систематического оскорбления, третирования и вымаривания заключенных как во времена "Н. Воли", ни раньше, ни позже не практиковалось.

Мы никогда не приводили этого обстоятельства в качестве аргумента против террора; не приводили потому, что, по нашему убеждению, революционная демократия не может и не должна руководствоваться предпологаемыми чувствами правительства. Она не должна добиваться ни его уважения, ни снисходительности, ни бешенства, не должна позволять ему ни магистку, ни жестокости влиять на свою тактику ни в ту, ни в другую сторону. Но когда нас уверяют, что, если мы хотим охранить наших товарищей от напад и оскорблений, то мы можем это сделать посредством политический убийств, и при этом ссылаются на ту самую историю, которая доказывает как раз обратное, мы не имеем права промолчать. Возможность помочь заключенным товарищам так привлекательна, что для всех тьма, что на слово повбрыл бы социал-революц., эта возможность была бы лучшим аргументом в пользу террора. Но на дла и было и не могло не быть как раз обратное. Личный страх, личное бешенство, вызываемые покушениями, могут еще внушить стремление задринать (чтобы потом надуть) предпологаемых погустельных либералов, но уж никак не прямых врагов — революционеров.

"И пусть они тогда выбирают", говорят "Пар. соц.-рев." В эти времена, когда сперу идут экстраординарно жестокие приказы, "выбор", или впрте, "подбор", действительно происходит. Робкие люди выходят в отставку или их смбачают. То же случается с людьми сравнительно порядочными, как Кононович, отказавший играть роль палача при казни карьерцев за покушения. Происходила в Петербурге. Их места занимают проходчики, способные на ибый риск, вознаграждаемый болшими выгодами.

"Р. Рос." желала бы, чтобы мы судили о взглядах "Пар. соц.-рев." только по тем "программным" статьям. Такая статья о терроре (в № 7) написана очень осторожно, старается не быть посыл, все отнаться на мей и только прибавить отбавку от этого всего, "бояву" организации", занимающихся "делами". Но у террора своя логика, заставляющая соц.-рев. говоря о нем, постоянно противоречить своей "программе" и выносить постепенно (саму) сущность их рационалист с нами по этому вопросу.

Среди этих противоречивых "программ" статей и заявлений в высшей степени характерными являются упомянутая уже нами прокламация и передовая статья в № 12 "Рев. Рос.". Эта прокламация начинается с обвинения одесского побоя и заканчивается зата других политический безобразия, и затем объявляет, что во всем этом виноваты именно мы тьма, что, в течение 15 лет мы пытались стараться убить в себе дух прежнего революционера. Мы вытравляли из себя и духа всякой протест и своим погустельным дошли до какого-то неуровняния ду... Мы никогда не давали отпора... Мы только букашками жалобами отбывали на все жестокости и гнусности полиции и жандармерии... Мы перестали быть в их глазах революционерами, которые с оружием в руках готовы раньше всего защищать свое достоинство и честь, и нас перестали бояться."

Та же картина нашего ужасного нравственного падения, от которого нас может спасти только террор, рисуется и в передовой статье № 12 "Рев. Рос.". Не отбавляя единичными политическими убийствами на тюремных безобразия, мы развивая в себе "рабью психологию", подвергаем партию опасности "полной деморализации".

В таком виде представляется соц.-революционцам современное движение, если исключить из картины несколько выстрелов.

А мы убеждены, что только за последние десять лет в России и началось настоящее революционное движение. В глазах соц.-рев. революционизм только дейтнее оружием, и пока сражения на улицах еще не начались, — только террористические факты, а мы именно потому-то и против террора, что он не революционизм, что его породила и воспла в конце 70-х годов не сила, а бешенство революционеров сдаться того-либо для приближения революции. Террористы были, конечно, революционерами, но жили в ту революционную эпоху, когда выработавшийся в революционной студент постепенно убивал в нем возможности для него выйти за пределы все того же студенчества и соединиться с народом. Вся его впра, все надежды приурочивались к крестьянству, а в результате изнурительных страстных усилий оказался только один жалкий и ослепительный успех: Чигиринское дла, самым своим характером говорившее все о той же невоз-

можности влиять на крестьян. Революционеры, оставшиеся до мозга костей революционерами и убежденными, что упорствовать в стремлении сделать хоть что-нибудь для приближения народной революции, значить "битьсь как рыба об лед", собственно говоря, ничего и не оставалось, как сосредоточить все свои помыслы на део саикн, на жести за товарищей, на том, как подороже, продать свою жизнь, при арестах."

Революция это человек, готовый в любое время с оружием в руках защищать свое правительство и своим честь, говорит "Партия соц.-рев."; она должна убий правительство, что в его лице оно имеет дла не с подданными... Он должен стараться о том, чтобы правительство его более...

"Раньше всего" и на первом плане все это может стоять у революционера лишь в такое время, когда идет растущий и разнонаправленный движение, и все революции "соединяет на борьбу между полицией и коноспираторами", как говорит Андрей Конхвух в романе Степана.

Когда поле движения непрерывно расширяется, когда работы, направленной на это расширение, более, тьма возможно переждать, революционер "раньше всего" постоянно рабочий движения, он не его должностное лицо, отдающее работ в свои силы. В качестве революционера (а не частного лица), его "достоинство" всецело сливается с достоинствами его работы, а революционная честь в том, чтобы сделать как можно более. Ему нет ни одного дла до чувства, что ему правительство. Уже более ста лет, как это правительство постоянно более революционера, даже тогда, когда его почти нет и выражает избыток страха в усилении жандармерии и избыток всякой жестокости. Это у него хроическая более не возможный лбление. Этого страха нам и в чей не можем — нужен иной, действительно ослепительный.

Для революционера дла совей не в том, чтобы убий правительство в своем персональном неоднородности ему, а в том, чтобы непрерывно уменьшать количество его подданных, но уж никак не единичными убийствами, которыми, даже забросивши всякую другую деятельность, можно истребить лишь десятки, а реально революционной мысли и революционного настроения в тысячах, пока они не превратятся в миллионы.

Впра молодежи 60-х и 70-х годов в бланку возможность крестьянского возмания основывалась на незнании: чтобы сохранить, ей нужно было оставаться слепым: от близкого соприкосновения с действительностью она ие слезала. Только теперь, когда в России началось действительное брожение, распространилось во все стороны, возникло впервые и серьезное убеждение в возможности революции, в ее неизбежности. И это убеждение, выйдя далеко за пределы учащей молодежи, распространяется все шире и шире, питаясь именно впечатлительными действительностями. Оно побуждает скептиков, захватывая даже трехлетних либералов (с приваением, конечно, если раньше не бегут дано конституции) и когда пролинкает в среду правительственных слуг, оно вынуждает, наконец, тот ослепительный страх, который ослабляет удары. Широко распространение убеждения в близости революции — это уже само по себе половина победы.

Что террор тсно связан с отчаянием революционеров в возможности работать для приближения революции, это как будто чувствуют сами писатели "Партии соц.-рев.". Только этим можно объяснить их удурожения (быть может, безосновательные) усилия создать атмосферу отчаяния также и вокруг терпящего бедного а полного ибры в себе движения. Погорь, погорь, погорь! кричали они при демонстрации. Партия обезчелена, унижена, ослеплена, и как так еще! Даже красное знамя, и то ослеплено и как так еще! Это отнимает полиция, которая, из их страниц, все хочотся, да хочотся, — унизилась, сбила! Аналогичное упреждение длают ои "Искра" из трехнах историй. Что наша полиция ведь, в высшей степени дикая и зверская, а тюрьма очень мрачная — это что и говорят! Что голодовки в высшей степени вредны для здоровья — это более, тьма ибры, и революционеры сдаться серьезно подумают об этом, слишком распространявшиеся способ тюремного протеста, подымающего силы, которая сдлается беречь для работы. Но для соц.-рев. дла стоить-ли отдаваться живыми в руки, если в тюрьмы, быть может, ждет медленная смерть? Затвм, безжалостно умирать медленной смертью в руках торжествующего врага, ачим замучить себя самого во пырь отчаянного протеста? Коли смерть, так уж лучше смерть с оружием в руках, смерть, которая обходится не дешево и вправу!" ("Рев. Рос." № 12)

На такой отчаянный вопрос простыми ответом служат переписанные тюрьмы, которое теперь происходит. Вдвое не то что запяного революционера — трудно найти теперь просто порядочного человека, который не посылит бы разок-другой в тюрьму. Сашкомм вулгаризировало теперь политическое гонение, чтобы вослать такой ужас, в особенности же "сильными и мужественными" протестами, у которых, по уверению "Рев. Рос.", возникает вышпериведенный роковой вопрос. Слешком много теперь для таких натур конкретной работы, дающей ослепительные результаты, чтобы они могли предпочесть немедленное удаление в иной мир — жизни из этого, хотя бы и с перспективой тюремных историй и даже побоев за сопротивление. Чтобы такой вопрос пришел в голову "сильному и мужественному" революционеру, надо, чтобы его охватила, через то или другое посредство, нравственная атмосфера былых, безнадельных, в счастье нагнать многовавших времени, когда революционер ничего не оставалось, кроет такой смерти, которая обходится дешевле и вправу! — надо, чтобы его "живого схватили мертвец".

Василий снова опустился на землю. Голос его стался резче и гуще, точно прямо из груди выходили слова.

— Точно у нас там было, что и говорить. На квартиру народу напихано, — не продыхнуть. А только всё мы там спрдились, всё заодно. — И всё тёмное мы, и всё обиде, а только всё тёмное этой правде слышится. — Слышь, Степан, правда. А вы тут правды этой никак понять не можете! А сколько про правду дописано, до все написано, и как человек

Типографія „Искры“.